

Часть 1. Приезд.

Лето. Как прекрасно это время года, особенно в деревне, особенно, если ты там на отдыхе. Для самих жителей, лето это страда. Если в Крыму, Сочи и других курортах летом жители зарабатывают на туристах, то в деревне зарабатывают на хлебе, крупах, овощах, фруктах. Пашут с раннего утра и до поздней ночи, а то и круглосуточно. Мне же посчастливилось быть в деревне на правах почти туриста. Несложная работа, из-за которой меня сюда сослали из офиса, была «ненапряжной», и выполнена мной в первый же день пятидневной командировки. Как опытный специалист я знал, что рапортовать о досрочном выполнении не стоит, так как всё равно премии не дадут, а вот накинуть ещё поездочку, да подальше, запросто могут. Поэтому решил провести оставшееся командировочное время, наслаждаясь чистым воздухом, жарким солнцем и водой в местной речушке.

Медовуха. Хмельной напиток на основе мёда. Его популярность на селе настолько велика, что в магазине отсутствует на прилавках пиво. Об этом я узнал, когда зашел в местную торговую точку, по-видимому, единственную, с целью взять несколько бутылочек «холодненького», да сухариков. «Пиво только прошлогоднее!» — порадовала меня продавщица, подозрительно меня оглядывая. Так на тебя смотрят менты в городах, да продавщицы и бабушки во всех деревеньках и сёлах, где каждый приезжий, воспринимается как потенциальный агрессор. Одет я был хоть и «по походному», но явно по столичному. Такие заезжие никогда не приносят деревенским жителям радости. Или землю отберут, или коттеджи понастроят или совхоз в очередной раз обанкротят. Пока я изучал даты на банках, продавщица проявляла чудеса дедукции и логики, пытаясь классифицировать меня. Я решил не мучать работницу торговой точки и признался: «Я в командировке, по...», и далее кратко рассказал цель моего прибытия. Она понравилась продавщице, которая тут же расплылась в улыбке и представилась: «Ой! Вы простите, что я так невежливо с Вами! Просто чужаки всегда нам неприятности чинят. Меня Анна Сергеевна зовут. Можно просто Анна. А пиво я Вам не дам. Потравитесь ещё. Вы лучше к Палне зайдите. У неё медовуха самая лучшая на селе. Я Вам сейчас записку напишу, чтоб она на Вас кобеля своего не спустила. А то сожрёт, ещё!»

Я слышал такое название, но пробовать до сих пор не приходилось. В магазинах, конечно, есть бутылки с таким названием, но читая их состав, я категорически отказывался брать даже на пробу. Поэтому решил воспользоваться моментом и случаем и опробовать медового напитка, о котором читал в сказках. «Мёд-пиво пил...». Пална, а точнее Екатерина Павловна, была милейшей души бабушка, неопределённого возраста. Ей можно было дать и 65 и 120-ть. Морщинистое лицо, сухие жилистые руки, чуть сгорбленная спина, но в глазах горит огонь и в голосе её энергия. Она действительно хотела отцепить с поводка своего пса. Здоровый зверь, видом напоминающий медведя, молча смотрел на меня. Он не рычал, не скалился, не присел в готовности к прыжку. Но в его глазах я видел свою смерть. Осознание того, что стоит только Палне щёлкнуть карабином на ошейнике и эта зверюга сожрёт меня в один присест, добавило адреналина в мою кровь. «Чё надо!?» — сердито спрашивает Пална, но я вижу, что она отпускает карабин собачей цепи и на сердце становится легче. «Вот! Записка!» — в голове от страха всё перепуталось и смешалось. Протягиваю в сторону старушки бумажку от

продавщицы. Зверь вдыхает носом запах идущий от меня и вдруг теряет ко мне всякий интерес, отворачивается в сторону и заходит в тень яблони... Пална подходит ко мне, уже улыбаясь и извиняется: «Ты уж не сердчай, мы тут люди не шибко грамотные и сведущие, боимся всех ненашенских! Что за весточка у тебя милочек?» Я отдаю бабушке записку, и она читает её, отстранив листок от себя на вытянутой руке. «Вот, Анка, писака, так накарябает, что не понять. Тебе медовухи что ль?» — по доброму ворчит Пална, и жестом зовёт меня за собой в дом.

«Свежей тебе дам! Не успела ещё закатать да в погреб снести! Не торопясь кушай, а то сомлеешь на жаре, да подохнешь, мошкой да слепнями съеденный, или муравьи утащат к себе на зиму!» — с улыбкой напутствует шуткой бабушка. А я на стены дома смотрю, рот открыв. Прямо музей какой-то. Фотографии все старинные, люди на них в одеждах таких, что явно из позапрошлого века. На видном месте фотография молодого парня в военной форме солдата Великой отечественной, ещё первого этапа, без погон, с ромбиками. «Муж мой, Степан! Погиб под Ленинградом в 42-м! Ох, как он медовуху то уважал. Как выпьет, так в пляс и норовит сорваться, а потом на полке мне продоху не даёт. Целую ночь могли любиться!» — делиться со мной личными переживаниями Пална, заметив, что я рассматриваю её семейные фотографии. «А вон там, сын мой старший, Алексей, Лёшка, значит. Тот на границе погиб. Как его, Таджикистане. То же перед Армией на проводах медовуху просил. Ох и бегали же от него потом девки! Вот Сонька не убереглась. Двоих мне внуков подарила. Мне на успокоение как раз и вышло. Военком вместе с повитухой пришли. А через шесть лет повестка младшему, Серёженьке...», — бабка замолкает, грустно вздохнув, не оставляя у меня сомнений относительно судьбы её младшего сына. «Вот внуки дали мне счастье под старость! Так эти сорванцы знаешь чё учудили? В кадеты пошли! Был бы дед жив, надрал бы им задницы! Припомнил бы им Керинского!» — жалуется бабушка, да наливает мне в бутылку какую-то жидкость. «Так кадеты, это те же суворовцы, только называют так, кадетами, по старому, дореволюционному!» — пытаюсь я разъяснить бабушке. «Так вот и шли бы в суворовцы или в эти, как их едрить, нахимовцы, вот. А лучше бы дома сидели, да мамку берегли!» — всё равно ворчит бабушка, обтирает бутылку, литра на два объёмом и передаёт мне. «Ты милочек, и правда, осторожен будь! Медовуха у меня забористая, градус не видишь и не услышишь. Много не пей, а то свалишься подкошенным, да петушок твой, курочку искать начнёт так, что взвоешь!» — беру бутылку и чувствую тяжесть и запах напитка, и не воспринимаю в серьёз, напутствия Палны. Благодарю её, и хочется поклониться ей в пол, за жизнь её и за мужа с сыновьями. И пронзает мысль: «Вот она, настоящая то Русь где! Вот она настоящая мать и жена. А наши девки городские из-за телефонов да моды страдают, впадая в истерики!»

Иду на берег речушки, в голове думы патриотические и не очень. Аромат трав кружит голову и без хмеля, треск кузнечиков, да гомон живности всякой лучше всякой музыки. Сажусь на полянке, прямо на бережку, откупориваю бутылку, и делаю первый осторожный глоток. Во рту сладко ипряно, чуть щекочет нёбо, и лёгкая теплота потекла в желудок. «Градусов пять-восемь!» — делаю я вывод и довольный тем, что не бьёт в нос сивуха и не выжигает слизистую спирт, с жажды, делаю несколько больших глотков, опустошая на половину бутылку. Через мгновение в голове хорошо, тело, словно после бани, задышало и кажется, что могу теперь я всё. Я встаю и скидываю с себя футболку, брюки, кроссовки и, оглядевшись по сторонам, трусы. Сигаю нагишом в тёмную речку и погружаюсь в её прохладные воды.

Кайфу! Если бы ни потребность в воздухе, так бы и не всплывал. Быстрое течение снесло меня от моего места довольно далеко. Я попытался вернуться обратно, борясь с течением, но это было бесполезно. Не желая мучить себя физически, я выбрался на берег и пошлёпал пешком. Мне было так хорошо, что тот факт, что я иду с голой задницей, меня совсем не волновал. Добравшись на место, я сделал ещё несколько глотков и прилёг на траву, решив всё же прикрыть своё срамное место, газеткой. Я смотрел на голубое небо и в моей голове полностью отсутствовали мысли. Я даже не успел подумать о том, как быстро меня развезло с 8 градусов, как вырубился, успев надвинуть бейсболку козырьком до кончика носа, чтобы его не спалили солнечные лучи.

Часть 2. Пробуждение.

Проснулся я от очень приятных ощущений внизу своего живота. То есть как раз тех самых ощущений, которые очень приятны мужчине. Точнее я не совсем проснулся, а приобрёл свойство воспринимать, что происходит с моим телом, пока я сплю. Мои глаза ещё не открылись, и в голове ещё сидел сон, когда я чётко уловил, что мой член кто-то гладит. Причём эти прикосновения были очень приятны, словно мне снова 16-ть лет и у меня ужасной силы спонтанная эрекция на уроке, которую мне снимает своей ладошкой соседка по парте. Немного отступлю от основного сюжета, дабы рассказать об этой соседке. Большого рассказа не получится... Настя, была не очень красивой и совсем не умной девушкой. Именно поэтому не пользовалась успехом ни в качестве подружки у девчонок, ни в качестве подружки у парней. Меня посадили с ней в наказание за мой буйный характер. В выпускных классах парней мучает вопрос полового самоутверждения посильнее самоутверждения личностного и профессионального. Хочется вставить свой вздыбленный орган во всё, что движется и не движется, имеющее для этого необходимое отверстие. Как вспомню, так вздрогну. Настя была рада сидеть рядом со мной, так как я был если и не лидером среди парней, то где-то в первой десятке. А ещё у меня был мозг, позволяющий мне справляться со школьной программой на троечку как минимум не уча уроки. У меня можно было списать! Я был спасением для Насти! Однажды, я в шутку сказал, что не дам ей списывать, пока она мне не даст. «Я тебе значит, даю, даю, а ты мне нет! Давай и ты мне!» — ворчал я на неё, без всяких серьёзных намерений, скорее от плохого настроения, чем от желания получить что-то. «Что давать? Ты скажи, если у меня есть, то я согласна!» — удивлённо спрашивает у меня Настя, чем вызывает у меня смех. «Это что-то у тебя между ног!» — шепчу я в ухо, что бы она точно поняла, о чём я говорю и жду ответной агрессивной реакции. Но Настя просто краснеет и отстраняется, ничего не сказав мне. «Обиделась!» — решаю я и продолжаю витать в юношеских грёзах и решать «реальные» проблемы.

На следующем уроке Настя пихает мне в руку клочок бумаги, её рука дрожит, а её лицо покрыто всё тем же румянцем. Бумажка влажная и я разворачиваю её, ожидая увидеть что-то наподобие послания Запорожских казаков турецкому султану, с ругательствами и матом. Но там только одна фраза: «Сегодня?» У меня шумит в голове, и потеют руки. Сердце резко увеличивает обороты и я близок к обмороку. Я смотрю на Настю и вижу, как она сгорает от стыда и волнения. Значит, я всё правильно понял. Эта дурёха согласилась! Я непослушной рукой пишу рядом на бумажке своё слово: «Да!», и передаю заветную бумажку Насте. Она уже знает, что там написано, но всё равно разворачивает и читает. Кажется, что сейчас из неё пойдёт дым, настолько красным стало её лицо. Она что-то пишет на бумажке, прикрыв её ладошкой, сворачивает и снова передаёт мне. Я уже в более спокойном состоянии раскрываю

изрядно измятый клочок и читаю: «После уроков у меня?» Я поднимаю голову и, видя, что Настя смотрит на меня своим взглядом маленького несчастного котёнка, утвердительно киваю головой и прячу нашу переписку в карман.

Уроки в этот день тянулись, словно была не середина третьей четверти, а конец учебного года. На всех уроках учителя не могли не нарадоваться тому, что я сидел смирно и не мешал как обычно им вести занятия, своими выступлениями и шутками. Ещё бы. Я дёргался и елозил на стуле в предвкушении после школьных приключений. Тот факт, что Настя была не красавица и находилась, по школьному рейтингу ниже плинтуса, совсем не мешал мне её хотеть. Ведь у неё, как и у всех остальных девушек, была заветная дырочка. В том возрасте, когда сперма, кажется, течёт из ушей, совсем не важно, с кем ты. Главное как часто и как много. Чем чаще и чем больше у тебя подружек, тем круче. Уже с возрастом понимаешь, что как туп ты был, каким дебилом! Но тогда я был весь в нетерпении, «спермотоксикоз» и малый опыт не позволял мне подумать о нравственности и правильности своих поступков. Я просто хотел вставить свой юношеский член в киску своей одноклассницы.

Мы не пошли вместе. Во-первых, я всё же «стремался» своих друзей, а ещё больше недругов, которые вмиг бы «растрезвонили», что Макс ходит с Чебурашкой, а во-вторых, я чувствовал, что мы делаем что-то запретное и потому секретное. Я пришёл к ней домой минут через десять, старательно избегая встретить кого-либо при подходе к её дому и в подъезде. Боюсь нажать кнопку звонка и тихонько стучу в двери, почему-то ожидая увидеть за ней или её папу или старшего брата, который мне без лишних слов, врежет в нос. Но двери открывает Настя. Она как была, так и осталась в школьной форме. Её лицо всё так же пылает краской, но уже меньше. И моё волнение улеглось. Она молча пропускает меня в квартиру, я так же молча прохожу. Мы стоим в коридоре и смотрим друг на друга, ожидая действий. Наконец, Настя, видимо поняв, что моя храбрость и наглость куда-то пропали, или, осознав себя хозяйкой дома, сказала: «Пошли», и я поплёлся за ней в комнаты.

У неё была своя комната. Меня удивило буйство красок. Настя всегда приходила в школу в стандартной школьной форме для девочек. Даже на праздничные мероприятия она была в этом жутком сером фугляре. А тут, словно цветочная лужайка. На стенках висели картины и рисунки, видимо собственного производства. Там были и лошади и котики и птички. Даже не верилось, что в этой комнате живёт Чебурашка. Настя села на кровать, которая стояла у стены, и снова уставилась на меня своим взглядом несчастного котёнка. В тот момент у меня не было решимости и уверенности, которая необходима настоящему мужчине для правильного проведения процесса склонения к сексу. Я «завис», впервые столкнувшись с ситуацией, когда девушка уже заранее согласна. Я не знал, как мне действовать дальше. До этого я был в роли «змея-соблазнителя» и «уламывал», и это было мне уже хорошо знакомо, а тут вдруг, «на всё согласная». Я уже хотел всё бросить и валить, но девушка, вдруг, проявила активность

«Что мне надо делать?» — спросила у меня Настя, выведя меня из комы. «Раздевайся и ложись на кровать», — я не узнал свой голос. От неожиданного волнения стало сухо во рту, и появился комок в горле. Голос стал грубее с «хрипотцой». Видимо Настя восприняла это изменение акустических характеристик моего голоса, за страсть. Её лицо из красного быстро стало белым. Она стянула со своих ножек длинные белые гольфы, развязала поясok фартука, потом, встав с кровати, закинув руки за спину, расстегнула пуговицы на спине. Одним быстрым движением она стянула с себя форменное платье, оставшись в одних беленьких

трусиках и лифчике. Я тоже раздевался, скинув с себя джемпер и футболку, и уже расстёгивал ремень брюк, когда Настя оказалась полуобнажённой передо мной. Я замер от неожиданности. Тело Насти было настолько красивым по форме, что эта красота с лихвой компенсировала отсутствие притягательности в лице и острого ума. Школьная форма, уродская по покрою, да ещё неумело носимая девушкой, не просто скрывала её красоты, а тщательно маскировала истинность. Если бы Настя одевалась с учётом моды и правильного вкуса, это бы подняло её в нашем школьном рейтинге довольно высоко, заставив подвинуться некоторых «крутышек». Я был восхищён, и это ещё плохо сказано. Я был настолько поражён, что так и замер со своим ремнём. Мой взгляд гулял по телу девушки, восхищаясь её грудью, талией, плоским животиком, очертаниями бёдер, стройностью ножек. Её трусики, хоть и стандартные для того времени, очень ей шли, подчёркивая прелесть её женского тела. Лифчик был видимо старым, потому что не мог закрыть налившуюся женственностью грудь девушки полностью. Из-под его края выступали тёмные кружочки ореолов. Настя замерла в нерешительности, то ли не зная, стоит ли раздеваться дальше, то ли надеясь, что я не потребую этого. Увидев, что я разглядываю её тело, и стою с открытым ртом, и видимо поняв, что вид её тела для меня приятен, Настя испытала смущение, и на её щёчках снова появился яркий румянец.

«Дальше!» — хотел скомандовать я, но получилось что-то жалобное и сипящее. От вожделения и страсти я уже плохо соображал и не контролировал своё тело. Член налился кровью в один миг и пульсировал, оттягивая ткань трусов, доставляя мне приятные болевые ощущения. Но я не мог продолжить обнажение своего тела, пока Настя не снимет всё с себя. Я боялся пропустить этот момент, когда она покажет мне всю себя. Девушка, услышав мой возглас, неразборчивый и хриплый, всё же поняла, что я хочу от неё и, выронив из рук школьное платье, снова закинула руки за спину и отстегнула застёжку. Двинув плечами, Настя высвободила из лифчика свои холмики. Красивые, круглые, аккуратные, с вздёрнутыми вверх кончиками, груди девушки были восхитительны. Её сосочки были похожи на носики мышек, жадно выискивающих сыр. (Специально делят удовольствия и гордости за себя. Ещё одна тёлочка стала жертвой моего органа. Жаль, что была целка, но потом вроде хорошо было, заскользило. Эти мысли кажутся мне сейчас кошмарными, но именно так я тогда и думал. Позже, я стал частенько навещать Настю, когда у меня не получалось с другими девушками или просто очень хотелось безотказного «перепихона», я всегда был желанным гостем у неё в комнатке. Последующие разы были более приятными для нас обоих, но для меня всё же больше. А потом я приручил Настю настолько, что она давала мне, делала мне минет и массировала мой член прямо в школе. Несколько раз она мастурбировала мне прямо на уроке, накрыв мой пах подолом своего школьного платья. Вот это ощущение нестерпимого желания и жжения в чреслах и было у меня на момент пробуждения.

И так, я лежу и чувствую сладкую и безумно приятную негу и касания моего члена. Я чётко понимаю, что это происходит наяву, и что кто-то реально трогает мой вздыбленный орган. Касания очень аккуратные и осторожные, видимо кто-то старается не разбудить меня. Я осторожно приоткрываю глаза, спрятанные за низко опущенным козырьком бейсболки, и вижу, что мой орган держит в руке маленькая женская ладошка. Из-за козырька мне невидно, кто хозяйка этой руки, но сама рука, пальчики и их нежность мне очень нравятся. Я спросонья не особо соображаю, но всё же мысль: «А что собственно, происходит?», появляется в моей голове. Чуть двинув подбородком вверх, я направляю свой взгляд вдоль

разбудившей меня руки и с удовольствием вижу ангельской красоты лицо девушки. Она молода, красива от природы, без косметики и лишнего пафоса украшений. Она внимательно и с интересом смотрит на мой обнажённый орган и в её глазах читается явный восторг. Вид красивой девушки ещё больше увеличивает моё возбуждение, и я чувствую просто нестерпимое желание, словно я уже приставил свой жезл к сочащейся соками киске, чувствую кончиком члена её жар и нежность, но меня туда не пускают, при этом лаская мешочек с яйцами и ствол моего органа. Девушка, держащая в руке моё оружие, почувствовала, как увеличились его пульсация и подёргивания и, стараясь не потревожить меня, стала осторожно отпускать трепещущий в её ладошке орган. Я не мог допустить, что бы моя наглая любопытная незнакомка убежала от меня просто так.

Я резко поднимаюсь и хватаю её за плечи. Девушка взвизгивает от неожиданности, но не успевает отскочить. Я валю её на траву рядом с собой. «Попалась!» — радостно кричу я и вижу, как пугается моя добыча. «Отпустите! Я закричу!» — пищит девушка, но в её голосе я чувствую сомнения, что это хоть как то поможет. «Ты зачем мой инструмент рассматривала? Зачем трогала? Хочется потрахаться?» — наседаю я на девушку и сам пропихиваю колено между её ножек. «Нееееет! Я случайно! Отпустите! Я, я... !», — девушка пытается вырваться из моих крепких объятий, но у неё нет шансов. Работать в партере я умею очень хорошо. Я прижимаю её хрупкое тело к земле и вонзаю своё второе колено между её ножек, а потом наваливаюсь всей своей массой и раздвигаю её пытающиеся сжаться ножки. Подол её платья задирается, раскрывая спрятанные под ним красоты девушки. На ней ажурные трусики, которые ни столько скрывают её сладкое место, сколько эротически украшают и соблазняют. Мой разъярённый от ласк и желания член тут же тыкается в прикрытую ими промежность, выискивая самое жаркое и тёплое место между ножек. Я настолько возбуждён, что совсем не понимаю, что совершаю действия, которые легко можно подвести под статью УК. Девушка дёргается и пытается избежать неминуемого бесчестия, но это только ещё больше заводит меня. Я пытаюсь занять более удобное для проникновения позицию, расположить свой таран так, что бы он легко вошёл в пещерку. Моё возбуждение и накал эмоций настолько велик, что коснувшись несколько раз головкой члена её нежной кожи на бёдрах и ткани трусиков, я не успеваю сдержаться и выплёскиваю ей на трусики мою жидкость, словно неопытный перевозбуждённый юнец. Я кончаю очень сладко и бурно, словно у меня был месяц воздержания. Так приятны были ощущения, и так много выбросилось спермы. Я фактически залил девушке промежность. Я отпускаю пленницу, и сваливаюсь в сторону, поглощённый приятными ощущениями. Голова гудит и кружится, в теле «летают бабочки, и светит радуга». Мне очень хорошо. Девушка вскакивает и убегает. «Пусть будет, что будет!» — решаю я и снова впадаю в дремоту.